

Виктор Стефанович Кожемяко

Лица века

Текст предоставлен литагентом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174407

Лица века в беседах, воспоминаниях, очерках: ИТПК; Москва; 2007

ISBN 5-88010-225-4

Аннотация

Автор книги Виктор Стефанович Кожемяко – обозреватель газеты «Правда» – более 50 лет в журналистике. Он встречался со многими известными политическими и общественными деятелями, учеными, космонавтами, писателями, актерами. Это дало возможность автору запечатлеть их мысль и слово в опубликованных беседах, очерках, статьях, создать яркие и правдивые образы знаменитых людей России. Так возникла своего рода летопись нашего прошлого и настоящего – рассказ о тех, кто вошел в историю, о тех, кто взывает к совести соотечественников, болеет за судьбу Родины. Для широкого круга читателей. Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Георгий Жуков, Валерий Чкалов, Сергей Королёв, Юрий Гагарин, Герман Титов, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Зоя Космодемьянская, Сергей Ахромеев, Геннадий Зюганов, Александр Зиновьев, Жорес Алфёров, Юрий Бондарев, Тихон Хренников, Сергей Бондарчук, Михаил Алексеев, Валентин Распутин, Владимир Личутин, Виктор Розов, Татьяна Доронина, Юлия Друнина, Егор

Исаев, Юрий Соломин, Василий Лановой, Николай Губенко,
Владимир Федосеев и другие...

Содержание

К тем, кто откроет эту книгу	5
Слово перед вторым изданием	9
Глава I	12
Величие и уроки В. И. Ленина. Ленин вчера, сегодня, завтра	14
Незагадочный Сталин	37
Мощь русского Духа маршала Г. К. Жукова	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Виктор Кожемяко

Лица века в беседах, воспоминаниях, очерках

Посвящается 95-летию газеты «Правда»

К тем, кто откроет эту книгу

Двадцатый век ушел в историю. Но наша память хранит имена известных личностей. Они жили в судьбоносное время и, можно сказать, отвечали на его вопросы. Каждый по-своему, будь то политический деятель или военный, космонавт или писатель, ученый или артист. Читая книгу, вы услышите живые голоса многих замечательных людей – истинных патриотов нашей Родины.

Одно из преимуществ журналистской профессии в том, что она дает возможность прийти к человеку, который интересен тебе и другим, включить диктофон, попросить ответить на твои вопросы. А в результате может родиться документальный очерк.

Понятно, ценность его тем более возрастает, чем значительнее собеседник, а также время, в которое или о котором идет речь. Все эти мои беседы состоялись на исходе XX века

и тогда же написаны очерки.

Конечно же, самые трагические для нашей страны события этого времени не могли не отразиться в рожденных текстах. В одних – как отклик на горячие события дня. В других – сложнее и более опосредованно, когда речь идет, скажем, о людях, живших в начале или в середине столетия.

Первый раздел книги так и назван – «Взгляд сквозь годы». По вполне понятным причинам у меня не было возможности побеседовать с В. И. Лениным: увы, родился поздновато. Но можно ли в книге о лицах XX века обойтись без В. И. Ленина и И. В. Сталина, если они оказали самое большое влияние на ход истории человечества в этом столетии!

Для осмысления исторической роли двух великих вождей Советского государства – сквозь годы, с рубежа XX и XXI веков – беседую с очень авторитетными для меня учеными, а также с журналистской, которую поддержал в свое время И. В. Сталин, и с последним сталинским наркомом. То есть с людьми, каждый из которых сам, безусловно, относится к личностям века.

Не мог я встретиться с легендарным летчиком Валерием Чкаловым. Но считаю счастьем, что беседовал с его сыном, тоже посвятившим себя авиации, который верен памяти отца и всю жизнь собирает материалы о нем.

А вот о Юрии Алексеевиче Гагарине в книге говорят те, кто хорошо знал первого космонавта планеты. Его коллега и товарищ Герман Титов, Космонавт-2, тоже во многом оли-

цветворяет XX век.

Совсем незадолго до кончины пожелал через газету «Правда» сказать свое завещательное слово великий русский писатель Леонид Леонов. Об этом я рассказываю в очерке «Перед уходом в вечность», которым открывается второй раздел книги – «Историческая память».

Последнее десятилетие века, ставшее для России поистине катастрофическим, ударило по святой памяти наших героев. О них третий раздел книги – «Очерки о героических и трагических судьбах».

Хмурой осенью 1991 года я ездил в подмосковное Петрицево, чтобы защитить честь оклеветанной советской героини Зои Космодемьянской. В том же роковом 1991-м общался с замечательным поэтом-фронтовиком Юлией Друниной, которая вскоре трагически ушла из жизни. Мне хотелось также поведать читателям о личности и загадочной смерти известного человека – Маршала Советского Союза Ахромеева, о трагедии защитника Брестской крепости, солдата Великой Отечественной Тимеряна Зинатова, о ряде других волнующих судеб, в которых по-своему выразилось тяжелое и сложное для Родины время конца XX века.

Большинство бесед и очерков по мере их написания печатались в «Правде» или «Советской России» (в книге они даются с некоторыми сокращениями), так что несут в себе и конкретные приметы дней, когда состоялась та или иная публикация. По моему убеждению – чем живее дыхание вре-

мени, тем все достовернее.

Автор

Январь 2002 г.

Слово перед вторым изданием

Первое издание книги «Лица века», выпущенное пять лет назад, быстро разошлось, вызвав много читательских откликов и всяческих пожеланий. Одно из них, особенно частое в письмах людей, для которых газеты «Правда» и «Советская Россия» стали за последние годы постоянными спутниками жизни, убеждало автора в необходимости расширить круг представленных здесь личностей. Причем некоторые, с кем читателям очень хотелось встретиться при переиздании книги, назывались поимённо.

«Вот у вас в трех номерах „Правды“ (на первой странице!) прошла интереснейшая беседа с академиком Жоресом Ивановичем Алфёровым. Да ведь и человек интереснейший, по ряду своих достоинств – совершенно необыкновенный. Между тем по причинам, для нас понятным, „демократические“ издания крайне редко предоставляют слово нобелевскому лауреату, который остается с коммунистами. Почему бы вам не включить беседу с ним в свою книгу? Поверьте, это очень нужно многим и многим...»

Что ж, просьбу читателей выполняю. Встретитесь вы во втором, значительно расширенном, обновленном издании книги и еще с одним академиком. Имя Василия Павловича Мишина, как и Сергея Павловича Королёва, долгое время было засекречено. А ведь он недаром удостоен медали Ко-

ролёва за номером один! Двадцать лет, с 1946-го по 1966-й, был первым заместителем Главного конструктора, то есть буквально правой рукой Сергея Павловича, а после смерти Королёва становится его преемником.

В течение восьми лет академик Василий Мишин – Главный конструктор, так что ему было что вспомнить при встречах со мной на исходе большой жизни.

«А почему в книге вашей нет Геннадия Зюганова? – спрашивали некоторые читатели. – Он так много сделал для возрождения партии коммунистов и по праву стал ее лидером. Нам интересно знать его взгляд на ключевые события XX века». Слово руководителя КПРФ прозвучит со страниц нового издания.

По читательским просьбам включаю в «Лица века» также беседы с выдающимися музыкантами – композитором Тихоном Хренниковым и дирижёром Владимиром Федосеевым, с выдающимся русским советским писателем Михаилом Алексеевым. А последний раздел книги дополняю очерками о замечательных актёрах Василии Лановом и Николае Губенко, известных своей чёткой гражданской позицией.

Впрочем, и теперь на книжных страницах еще далеко не все, о ком я хотел бы рассказать или кому мог бы дать слово. Но это, надеюсь, осуществится в будущих книгах.

Александр Зиновьев с полным основанием назвал советский период вершиной российской истории. Двадцатый век во многом стал поистине советским веком. И сегодня, когда

мы готовимся отметить 90-летие Великой Октябрьской социалистической революции, важно помогать людям сквозь чудовищные нагромождения лжи и клеветы добираться до истины о советской эпохе, восстанавливать правду об изумительных свершениях и героях великого времени.

Думаю, «Лица века» в существенно дополненном издании послужат этому.

Автор

Февраль 2007 г.

Глава I

Взгляд сквозь годы

Величие и уроки В. И. Ленина. Ленин вчера, сегодня, завтра

Профессор Сергей Кара-Мурза

Незагадочный И. В. Сталин

Доктор философских наук, профессор Ричард Косолапов

Мощь русского духа маршала Г. К. Жукова

Президент Академии военных наук, генерал армии Махмуд Гареев

Чкаловская честь

Полковник авиации Игорь Чкалов

Семнадцать зорь Германа Титова

Космонавт-2, о времени, о Юрие Гагарине и о себе.

Мы вышли в космос первыми, и нельзя оттуда уходить.

Академик Василий Мишин, первый заместитель, преемник легендарного Королёва

Великая эпоха

Николай Байбаков – многолетний председатель Госплана СССР

Показания для будущих поколений

Старейшая советская журналистка Елена Микулина

Без партии страна не выстояла бы

Философ, социолог, писатель Александр Зиновьев

Советский наш опыт светит в завтра

Лидер КПРФ Геннадий Зюганов

Нобелевский лауреат с коммунистами

Выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии академик Жорес Алфёров

**Величие и уроки В. И. Ленина.
Ленин вчера, сегодня, завтра
ПРОФЕССОР СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА**

Думая сегодня о Ленине, снова и снова поражаешься тому, какой расправе может быть подвергнута средствами пропаганды великая историческая личность в родной стране. При смене власти, при установлении иного общественно-по-

литического строя.

Можно сказать и так: изменение отношения к Ленину в массовом сознании на прямо противоположное стало одним из средств смены власти, чтобы хозяевами в нашей стране стали не трудящиеся, а «собственники»-олигархи и их обслуга. Ленин этому мешал и теперь мешает. Значит, его надо как можно сильнее извратить, оклеветать, оболгать, на что направлены огромные усилия.

Однако рано или поздно ленинская правда должна взять верх. Этому нынче служат и работы наиболее честных ученых, в том числе талантливого исследователя, профессора Сергея Георгиевича Кара-Мурзы – автора капитального двухтомного труда «Советская цивилизация».

Виктор Кожемяко. Сергей Георгиевич, близится ленинский день рождения. Сегодня это повод не для торжественного собрания, а для того, чтобы поговорить по сути об уроках Ленина. Окидывая взглядом весь прошлый век и думая о нашем нынешнем положении, о нашем будущем, чувствую потребность в таком разговоре. Как вы на это смотрите?

Сергей Кара-Мурза. Я думаю, давно пора, и рад, что мы до этого дозрели. Правда, и раньше говорили «уроки Ленина», но превращали их в торжественное собрание. Если уж говорить по сути, то надо полагать, что будут разные мнения. Потому что мысль и дело Ленина сложны и противоречивы. Это именно диалектика, а мы больше привыкли к другому.

В. К. Сейчас сложные уроки, тем более, как вы сказа-

ли, диалектика, в восприятии многих слишком утомительны. Чем хуже жизнь, тем больше люди хотят простых ответов.

С. К.-М. Когда жить неумогу, самое простое – пойти и повеситься. Таким людям Ленин не поможет. Если говорить о нас, то проект Ленина был выходом из той исторической ловушки, в которую попала Россия в начале века. Было несколько проектов, все их перепробовала Россия, а вырвалась только на пути, предложенном Лениным. Сейчас мы опять в ловушке. Если хотим жить как страна и как народ, то опять придется прорываться. Значит, нужны уроки, для того и опыт предков. Освоим – больше народа спасется. Уроки – в первую очередь молодым. На них ляжет главный груз. Ну а нам, старшему поколению, надо причесать растрепанные жуликами мысли. Ведь неприлично!..

Уроки Ленина полезно брать в контексте тех альтернативных проектов, которые выработала российская мысль. И сам Ленин, и все общество тогда мыслили диалогично: Столыпин, либералы-западники, эсеры, социал-демократы, то бишь меньшевики, и большевики. Каждый проект отражался в другом – без карикатуры, в главном. Сейчас у нас диалог полностью блокирован, но надо его вести хотя бы мысленно. Так что я сразу назвал бы важнейшее качество Ленина: умение достоверно и хладнокровно увидеть «политическую карту» – расстановку и движение всех главных сил. Умение взглянуть в глаза реальности и объяснить ее, не пытаясь ни-

кого обмануть. Ленин выработал особый тип текстов – ясных и с точной мерой, без всяких «идолов». Сравните с текстами кадетов – Струве, Бердяева. Видно, что этих блестящих писателей переполняют чувства, что они в плену своих «идолов». Читать их в удобном кресле приятно, но пользы для дела мало.

В. К. Вы сказали об исторической ловушке. В чем она заключалась? Какой выход из нее увидел Ленин?

С. К.-М. Ловушка (или порочный круг) состояла в том, что России приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от капитализма. Была необходима индустриализация и модернизация страны. Но западный капитал, ринувшись в Россию, превращал ее в периферийную, дополняющую Запад экономику. Иностранный капитал высасывал Россию, очаги современной промышленности были окружены морем беднеющего населения. Кризис прорвался революцией 1905 года. Отсюда расходятся пути. Правительство – по пути разрушения общины и превращения крестьян в фермеров и пролетариев; либералы – в утопию превращения России в подобие уютного Запада, чтобы и волки были сыты, и овцы целы; Ленин – через союз рабочего класса с крестьянством и революцию, позволяющую избежать переваривания России западным капитализмом.

В. К. В общем-то, эта идея кажется изначально очевидной и бесспорно разумной. В чем же здесь урок?

С. К.-М. Очевидной эта идея кажется только потому, что

наша официальная история была вульгаризирована, исторический выбор был в ней представлен очевидно разумным и вытекающим из какого-то всесильного учения, например, марксизма. Это упрощение нам очень дорого обошлось. Я сейчас читаю Ленина, и мне страшно жаль, что, когда читал его студентом да и позже, очень долго не понимал многого. На самом деле до Октября Ленин совершил в своем сознании несколько настоящих революций. Они были сродни научным революциям – повороты в сознании в условиях высокой неопределенности тенденций.

Упорядочим то, что мы знаем. К началу XX века народники сошли с арены, не смогли убедительно ответить на исторический вызов, не предложили реального пути модернизации страны. Сознанием овладел марксизм – не только левым сознанием, а шире. Почти вся интеллигенция мыслила в понятиях марксизма. Неприятно это слушать нашим патриотам-антимарксистам, но даже религиозные искания Булгакова, Бердяева, Франка вытекали из «проблематики марксизма». Но марксизм пришел в Россию в том виде, в каком он был приспособлен к политическим задачам западного пролетариата. Он исходил из того, что крестьянство, в силу его двойственной природы, должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию (фермеров) и сельский пролетариат. Общинного крестьянина Европа уже не знала.

Из этого исходили и Столыпин, и кадеты, и меньшевики. Поэтому сама идея революции, союза рабочих и крестьян ра-

ди предотвращения капитализма показалась абсолютно еретической. А когда Ленин в «Апрельских тезисах» провозгласил принятие государственности, вытекающей из идеи этого союза (Советское государство), в «культурном слое» это вызвало шок...

Урок Ленина в том, что он проник в суть России как цивилизации, в смысл крестьянской мечты – и преодолел давление господствующих понятий и теорий. Но мало этого, он нашел такой язык и такую логику, что стал не пророком-изгоем, каких немало в эпохи кризиса, а создателем и вождем набирающего силу массового движения. Не вступая в конфликт с марксизмом, он развил его до целостного учения, дающего ключ к пониманию процессов в незападных обществах.

Таким образом, он не просто понял чаяния крестьянства и молодого незападного рабочего класса, но и дал им язык, облек в сильную теорию. Ленин появился в нужном месте в нужный момент. Если бы мы этот урок поняли в 70-80-е годы!

В. К. Значит, можно считать, что в известном смысле были правы меньшевики и бундовцы, которые говорили, что под маской марксизма Ленин протасил славянофильство и народничество?

С. К.-М. Да, они это высказывали как страшное обвинение. Какой ужас – славянофильство! Но правы они были лишь частично. Назад из кризиса не выходят, и ленинизм

был проектом революционного разрешения противоречий. Он позволял России не закрыться в патриархальной общине, а освоить самую современную промышленность, науку и технику, но не став объектом эксплуатации мирового капитала. И это, как мы знаем, оказалось возможно – на целый исторический период. В конце его мы были не на высоте, остались официально ленинцами, а суть урока забыли.

В. К. За последние десять-пятнадцать лет значительная часть интеллигенции сдвинулась к мысли, что Ленин – доктринер, не сказавший принципиально ничего нового и поднявшийся на волне революции благодаря своей «дьявольской воле».

С. К.-М. Многие, как вы верно сказали, сдвинулись. Мы – в тяжелом культурном кризисе, многие теряют нить, начинают верить шарлатанам. А тем, кто действительно мучается сомнениями, я бы предложил пару отрезвляющих приемов.

Первый – это опереться на безусловные, надежно установленные факты. Факт, что подавляющее большинство народа, попробовав «на зуб» все альтернативные проекты – Столыпина, Керенского, Деникина, поддержало проект Ленина. Подчеркиваю, что все проекты испытали на своей шкуре, а не из книжек. Надо же прислушаться к мнению отцов и дедов, для которых как народа этот выбор был вопросом жизни и смерти. Ведь не только белым отказали в поддержке народы России, но и своим кровным националистам – на Украине, в Грузии, Армении и т. д. В результате очень быстро сно-

ва собрались в одну сильно спаянную страну. Или этот факт наша интеллигенция забыла?

Второй прием – прислушаться к тем, кто был в те годы носителем художественного, совестливого чувства. Были такие, кто ненавидел, как Бунин, Гиппиус. Были те, кто принял как избавление, – Блок, Брюсов, Есенин, Шолохов. Одни уехали, другие остались. Так определись, с кем ты. Ведь и те крупные личности, которые ненавидели Октябрь, вовсе не считали, что в России происходит нечто тривиальное, доктринерское. Даже большая часть эмиграции приняла советский строй. По личной судьбе они в эмиграции, а признали судьбу народа.

Тектонические волнения от русской революции до сих пор идут по свету. Нынешний антиленинизм большей части русской интеллигенции – признак тяжелой болезни общества. Так называемая элита, порожденная великими делами планетарного масштаба, тяготеет к тому, чтобы эти дела своего народа принизить и оплевать, аплодирует культурным уродам.

В. К. А что еще могли бы посоветовать тем, кто мучается сомнениями относительно Ленина? Каковы ваши советы молодому интеллигенту?

С. К.-М. У меня совет тем, кто считает себя таким упертым западником, что ему плевать на Есенина и Клюева с Андреем Платоновым. Так пусть почитает авторитетных западных современников Ленина, которые наблюдали его проект

лично, – Бертрана Рассела и Эйнштейна, Антонио Грамши и Джона Кейнса.

Кейнс, безусловно, величайший западный экономист XX века. Его теория, лежавшая и в основе Нового курса Рузвельта, использованная и в послевоенном восстановлении Европы, вошла в общественную мысль как «кейнсианская революция». В 20-е годы он работал в Москве. В России тогда была, как он говорил, главная лаборатория жизни...

В. К. О могильщиках не хочется сегодня. А вот как вы видите путь развития и главные смыслы ленинизма с высоты нашего нынешнего опыта?

С. К.-М. Очень схематически я бы их выстроил так. В 1899 году Ленин пишет ортодоксально марксистскую книгу «Развитие капитализма в России». В ней он говорит о неизбежности распада общины, об исчезновении крестьянства с его разделением на буржуазию и пролетариат и о буржуазно-демократическом характере назревающей русской революции.

Опыт крестьянских волнений с 1902 года, революция 1905–1907 годов и первые шаги реформы Столыпина приводят его к принципиально новому видению: крестьянство не просто не распалось и даже не просто сохранилось как «класс в себе», но и выступает как носитель большого революционного потенциала. Программный стержень крестьянства – предотвращение раскрестьянивания, которое ведет к развитию капитализма.

Капитализм этот – периферийный, несет России не прогресс, а одичание. Поэтому возможен союз рабочего класса и крестьянства. Революция, которую осуществит этот союз, будет не предсказанная Марксом пролетарская революция, устраняющая исчерпавший свою прогрессивную потенцию капитализм, а иного типа – предотвращающая установление в стране периферийного капитализма. Выдвижение этой программы означало полный разрыв с ортодоксальными марксистами (меньшевиками). Поэтому-то меньшевики оказались в союзе с буржуазными либералами и даже в Гражданской войне участвовали в основном на стороне белых.

В. К. Как это новое видение природы русской революции встраивалось в контекст мировых процессов?

С. К.-М. Прежде всего очень важна и для того времени была, и сегодня развитая Лениным концепция империализма как нового качества мировой капиталистической системы. Маркс в «Капитале» принял абстрактную модель равномерного распространения капитализма по всему свету. Исчерпание возможностей развития производительных сил в разных странах мира привело бы в этом случае к мировой же пролетарской революции.

В ленинской концепции мироустройства эта абстракция преодолена. Мир не становится равномерно капиталистическим, возникает центр из небольшого числа империалистических стран и периферия из колоний и полуколоний, которую этот центр эксплуатирует. В главных чертах такой миро-

порядок, который мы сегодня называем глобализацией, «золотым миллиардом» и т. д., был верно описан уже Лениным.

Из концепции империализма и периферийного капитализма следует, что на периферии возникает потенциал революций иного типа, нежели в метрополии. Это революции против империалистического угнетения и эксплуатации. Они сопрягаются с национально-освободительным движением, так что движущей силой в них становится не только пролетариат, но и широкие союзы, прежде всего – с крестьянами. Уже это создавало основу для того, чтобы преодолеть важную догму марксизма, согласно которой революция должна начаться в странах самого развитого капитализма.

Менялось и само содержание понятия «мировая революция». Строго говоря, русская революция положила начало именно мировой революции. Она прокатилась по странам, где проживает большинство человечества. Да, это страны крестьянские – Китай, Индия, Мексика, Индонезия. Запад такой революции избежал, но ведь не только на Западе живут люди...

В. К. Если бы можно было проникнуть в творческую лабораторию Ленина, то, как вы думаете, какие самые главные методологические и психологические трудности пришлось ему преодолеть, чтобы прийти к своим выводам?

С. К.-М. Трудно говорить за другого. Взяв отдаленно схожие случаи в истории научных революций, я могу предположить следующее.

Во-первых, в тот момент было очень трудно отказаться от той картины истории человечества, которая была внедрена в сознание российской интеллигенции системой образования. А в среде левой интеллигенции она была усилена философией Гегеля и марксизмом. Существовал евроцентризм, представление о том, что якобы есть некая «столбовая дорога цивилизации» с правильной сменой этапов, формаций. Ее прошел Запад, и другим надо по ней пройти – чем быстрее, тем лучше. Это очень устойчивый стереотип – посмотрите хоть на нашу нынешнюю интеллигенцию. Признать, что Россия – самобытная цивилизация, что она может нарушить «правильный» ход истории, было для европейски образованного марксиста очень трудным шагом. Это значило внутренне признать правоту славянофилов, которые в среде социал-демократов выглядели архаическими реакционерами. Сказать, как Ленин, что «Лев Толстой – зеркало русской революции», было страшной ересью. Повторяю, задача была – не стать диссидентом, изгоем в среде социал-демократов.

Второе редкое и психологически трудное качество – такая свобода и ответственность мысли, при которой ты, следуя новому знанию, отказываешься от своих вчерашних взглядов, которые как раз и создали тебе авторитет, собрали единомышленников и которые, по всем признакам, как раз обещают большой политический успех. Книга «Развитие капитализма в России» была целым событием. Заявленную в ней концепцию можно было плодотворно расширять и дораба-

тивать как в научном, так и в политическом плане. Наконец, требовалась большая отвага и самоотверженность, чтобы пойти наперекор уважаемым и даже чтимым авторитетам – и памяти самого Маркса, и Плеханову, и друзьям по социал-демократии.

В. К. Вы сказали о преодолении евроцентризма. Таким образом, ленинизм сразу приобретал значение, далеко выходящее за рамки собственно России...

С. К.-М. Именно так! И в своей концепции империализма, и в теории революции Ленин сразу вышел на важнейшие общие закономерности, отвечающие на критические вопросы многих стран и целых цивилизаций. Речь шла о тех странах, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капиталистической системы.

В идейном плане ленинизм означал начало современного национально-освободительного движения и крушения колониальной системы. Особенно это касалось Азии. До сего времени Восток был лишь объектом международной политики Запада. Роли были четко распределены. По словам Киплинга, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут».

В ленинском представлении мира Азия и Африка выходили на мировую арену как полноправные субъекты политики, как страны назревающих больших революций. Потому-то Ленин стал для народов Востока не просто уважаемым политиком, но и символом. Известны письмо махатм Индии

по поводу смерти Ленина, глубокая оценка, данная труду Ленина Сунь Ятсеном, трепетное отношение к Ленину молодого Хо Ши Мина...

Марксизм-ленинизм, который дорабатывался согласно особенностям каждой культуры, на целый век задал траекторию для общественной и политической мысли и практики в странах, где живет большинство населения Земли. И это влияние вовсе не исчезает с поражением (временным, будем надеяться) советского проекта в России. Оно лишь входит в новую стадию развития! Черета революций, начатых в России, продолжается, пусть и в новых формах. Революция, как мы видим, и у нас не закончилась, приглушенные на время проблемы встали снова. Сегодня Россию загоняют в ту же историческую ловушку, нас снова истощает мировой капитал, страну снова расчленили националисты. И снова, как в начале века, к хозяйству присосался интернациональный преступный синдикат, создающий параллельную государству теневую власть.

В. К. Если вернуться к урокам Ленина в сфере методологии – постановки проблем, способа их изучения, объяснения, обоснования, в чем особенность его метода? И притом ведь какой дар убеждения!

С. К.-М. Над этим думали многие философы и поэты. Помните, Есенин написал:

Застенчивый, простой и милый,

Он словно сфинкс передо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной.

Из того, что я читал и что вижу сегодня, сделал для себя некоторые выводы.

Источник методологической силы Ленина связан с его личными качествами, личным типом мышления и с теми культурными условиями, в которых проходило становление его личности, – семья, чтение, Волга, гибель брата. Сильные чувства в ранней юности, определенные культурой. О типе мышления у нас мало говорят, будто он ненужный привесок. Но для той работы, которую проделал Ленин, данный «привесок» очень важен!

Поскольку этот вопрос лучше разобран в истории науки, приведу понятные аналогии. Есть редкий тип ученых, которые объект своего исследования ощущают «мышечно». Они его чувствуют всем телом – а потом уже постигают свои чувства умом, «поверяют алгеброй гармонию». Известный пример – Эйнштейн. Он себя ощущал частицей света, летящей в пространстве. Приведу его слова: «Сначала я нахожу, потом ищу». Замечу, такой тип мышления характерен как раз для русской культуры и особенно русской науки. Многие наши ученые представляют замечательный пример «слияния с предметом».

Читая Ленина, я вижу по множеству признаков, что он об-

ладал таким свойством, сам об этом, конечно, не думая. Тот же тип ума, что у Менделеева, Жукова. Им обладают и многие безымянные, но выдающиеся мастера. Видят, разумеется, те, кто способен что-то видеть помимо телеэкрана...

Что же определяет успех политика и вождя? В значительной степени – умение понять чаяния народные и отделить их от расхожих мнений, которые часто этим чаяниям противоречат. Точнее будет сказать, чаяния той части народа, на которую ты опираешься и интересы которой представляешь в политике. В таком подходе и проявилось важное качество мышления Ленина. Он чутко, как чудесный инструмент, улавливал чаяния, скрытые под клубком расхожих мнений. Пришвин удивлялся летом 1917-го: что это за большевики такие – их клянут, а все выходит по-ихнему?

В. К. Когда, например, проявилось резкое расхождение чаяний и мнений – так, что выбор Ленина оказал влияние на ход событий?

С. К.-М. Думаю, таким моментом можно считать принятие летом 1917 года лозунга немедленного мира и принятие 25 октября Декрета о мире. Он был чаянием крестьян и неразрывно связан с вопросом о земле. Но средств выразить свои чаяния крестьяне как раз не имели, и в городах расхожими мнениями были «война до победного конца» или «оборончество». Они настолько довлели в столицах, что их включили в свои программы даже меньшевики и эсеры, войдя в коалицию с кадетами. Большевики выразили именно ча-

нения! Примерно так же получилось и с Брестским миром.

Другой важный момент – отказ от идеи государственного капитализма, на который делал ставку Ленин в начале 1918 года, и решение национализировать промышленность. Это было именно чаяние рабочих, как и национализация земли – чаяние крестьян. Рабочие знали, что надежды на госкапитализм – утопия, что хозяева не хотят его и продают сырье. Ленин признал правоту рабочих. Здесь, как и в случае с землей, возникло положение, которое Бертольд Брехт назвал так: «ведомые ведут ведущих». Меньшевики тогда издевались: мол, у Ленина нет программы, он следует за устремлениями масс. Ничего меньшевики не поняли. Быть таким ведущим, как сказал Брехт, может только выдающийся по уму и чуткости человек.

В. К. Вы сказали, что Ленин совершил революционные изменения в сознании типа научных революций. Этого не достигнешь «мышечным» мышлением, это уже теоретическая работа. Каковы особенности труда Ленина на этом уровне?

С. К.-М. Конечно, кроме гармонии нужна алгебра – логика, убедительные аргументы, выводы и следствия. Нужны научные или близкие к ним построения. Начнем с того, что ленинская партия была именно партией нового типа. Сейчас мы видим, что не только нового, но и уникального. Ленин именно включил научный тип мышления и убеждения в политику. Это при том, что ученых в руководстве партии было

немного.

Большевики были особенным случаем во всей политической истории.

Сегодня кое-кто мне говорит, что в книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин там-то и там-то ошибся. Махзря обидел и т. д. По мне, это смешные замечания. Важны не оценки Ленина по конкретным научным вопросам, а сама проблематика книги. Важен, и исключительно важен тот факт, что большевикам Ленин рекомендовал задуматься о кризисе физической картины мира!

Ленин понял и ввел в жизнь партии фундаментальный принцип: программа и идеология самым тесным образом связаны с картиной мира, которая сложилась в умах людей. «Так устроен мир!» – вот последний аргумент. Но если картина мира перестраивается, как это было в начале XX века, то партия должна понять особое состояние, кризис – и выразить его в своем языке, своей логике, своей культуре. В России начала XX века именно большевики резко вырвались вперед и отличались от других партий. Это почувствовали как раз те поэты, которые остро переживали тогдашний кризис картины мира, – Блок, Хлебников, Маяковский, Клюев.

В. К. Когда к кризису социальному и политическому добавляется кризис картины мира, может ли программа и идеология стать убедительнее и конструктивнее?

С. К.-М. Именно! Ведь люди чувствуют наличие кризиса, его за бодрыми речами не спрячешь. Вождь, который обра-

щается к разуму и воле, который предупреждает, что грозит катастрофа, что путь неизведан и от всех требуется творчество и усилие, именно разумных и ответственных людей привлекает. А тот, кто подмигивает и обещает, что «все схвачено», кто с тобой заигрывает, – факир на час.

В. К. Каким же образом Ленин привнес кризис картины мира в программу большевиков?

С. К.-М. В науке различают два состояния: «наука бытия» и «наука становления». Когда картина мира или ее изучаемая данной наукой часть стабильны, то главный интерес привлекают состояния равновесия, устойчивости, равномерно текущие процессы. Это наука бытия. На такой научной картине мира строил свое учение Маркс. Например, политэкономия, начиная с Адама Смита, прямо брала за основу аналогию с равновесной механистической ньютоновской моделью мира. Маркс добавил в нее эволюцию Дарвина. Но бывают периоды, когда наука особое внимание обращает на явления слома равновесий, кризисы, катастрофы, превращения порядка в хаос и зарождение нового порядка. Это – «наука становления».

Так вот, Ленин, осваивая современный ему кризис физической картины мира, даже допуская ошибки в «алгебре», на мой взгляд, замечательно ухватил главный пафос «науки становления». Тут его интуитивное, «мышечное» мышление проявилось самым блестящим образом. Он просто чувствовал, как какой-то великолепный прибор, моменты слома,

нестабильности, необратимости. Он понимал процесс возникновения хаоса и видел в нем зародыши нового порядка. И потому у него возникли прямая связь и редкостное взаимопонимание со многими носителями русского чувства и русской мысли. В русской культуре тогда было сильно еще архаическое космическое чувство, дающее способность тонко воспринимать взаимодействие Хаоса и Космоса. В городе оно постепенно затухает, но тогда было развито сильно. Да и в науке русской тогда очень сильны были те, кто работал в «науке становления», – Д. И. Менделеев, Н. И. Вавилов, школы аэродинамики, горения. Ленин подключил этот огромный культурный ресурс к тому напряженному творчеству, которое подспудно шло в массах. Вырваться из ямы, в которой оказалась Россия, – почти чудо. Сегодня положение объективно гораздо легче, а по моему ощущению – веет нередко безысходностью...

В. К. Понятно, что революция сопряжена с созданием хаоса, сломом порядка. И на этой стадии вся эта «наука нестабильности» могла быть полезна. Но как в такой ситуации, причем стремительно, выросла спасительная часть проекта Ленина? Напомню слова Есенина: «Того, кто спас нас, больше нет». Каков был здесь поворот его мысли? Давайте завершим разговор этой темой.

С. К.-М. Русскую революцию организационно готовили несколько поколений революционеров – можно сказать, рука об руку с царским правительством. И во многом револю-

ция стала огромной катастрофой огромной страны. Партия большевиков в момент начала революции, в феврале, насчитывала всего десять тысяч человек, никого из ее руководства тогда не было в Петрограде. На этом этапе теоретическая база ленинизма позволила большевикам занять место на гребне революционной волны и в то же время «прорасти в массы» – силой идей, другой силы у них не было. Но уже к лету большевики стали овладевать структурами, которые вырастали из хаоса и превращались в очаги нового порядка, – Советами. Частью этого процесса стала Гражданская война. Почему же Есенин сказал, что Ленин «спас нас»? Ведь это не для красного словца, это звучало из крестьянской души.

Тут придется сказать то, что было нетерпимо для официальной истории, сделавшей революцию священным символом. Слом государственности и создание хаоса ведут к огромным жертвам среди населения. В 1917–1921 годы в России девять десятых жертв связаны не с прямыми политическими столкновениями – боями и репрессиями, а с лишением средств к жизни и с «молекулярным» насилием. Голод, холод, болезни и преступность – вот главный источник массовых страданий. Они – следствие бунта («революции скифов»), который поднимается при ослаблении государства. В. В. Кожин сделал большое дело, уделив в своих книгах много внимания именно тому бунту, который сопровождал русскую революцию. И он правильно подчеркнул, что бунт был главным противником большевиков, когда они пришли

к власти. Я бы только не согласился с Вадимом Валериановичем в одном. Думаю, что бунт и революция связаны неразрывно, они происходят вместе чуть ли не в каждом человеке.

В. К. Да ведь и Вадим Валерианович, по сути-то, этого не отрицал.

С. К.-М. Его анализ помогает глубже понять, что, может быть, самое трудное в революции – не войти в нее, а выйти, прекратить. В ходе большого столкновения возникает столько новых причин для вражды и ненависти, что процесс идет вразнос. Питирим Сорокин, сам свидетель и участник нашей революции, а потом крупный социолог, даже ввел понятие «обуздание революции» – как ее особой, очень важной стадии. Ленин действительно спас народ – тем, что он провел «обуздание революции» великолепно. Я считаю, что это – высочайшее достижение политической мысли и практики, непревзойденный шедевр в истории революций.

В 1917 году начался Великий бунт, поистине «революция скифов». Если обратиться к революциям в Мексике и Китае, то там бунт и интенсивное «молекулярное» насилие длились десятилетия, нанося тяжелейшие травмы народу. Ленин же буквально на другой день после Октября начал жесткую кампанию за восстановление государственности, налаживание дисциплины, учет и контроль, выстраивание властных вертикалей и т. д.

Надо заметить, что это вызвало злобную критику со стороны эсеров и меньшевиков, которые обвиняли Ленина в

восстановлении проклятой буржуазной государственности. А массы рассудили наоборот: они в жестких мерах большевиков видели силу, способную на восстановление условий, обеспечивающих жизнь – восстановление жизнеустройства! Вспомним хотя бы продразверстку, которая дала пайки тридцати четырем миллионам горожан и спасла их от голода и голодной смерти. Военная доктрина, согласно которой Гражданская война завершалась мощными ударами и разоружением всех «неформальных вооруженных формирований» – включая быстрое подавление «красного бандитизма». И, конечно, нэп.

И раз уж упомянули Есенина, давайте вспомним всю строфу:

Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Апрель 2001 г.

**Незагадочный Сталин
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ
НАУК, ПРОФЕССОР
РИЧАРД КОСОЛАПОВ**

Сталин... Какой вихрь противоречий возникает до сих

пор, когда звучит это имя! Совершенно очевидно, что Сталин – одна из крупнейших фигур XX столетия. Но оценки его резко противоположны. Да и вряд ли можно сказать, что все сделанное им уже достаточно полно, всесторонне и объективно проанализировано. Явная заданность мешает этому на Западе, она же долгое время сказывалась и сейчас сказывается в нашей стране.

Возвращение Сталина в наше сознание и в нашу жизнь, причем возвращение отнюдь не в карикатурном виде, какой ему усиленно пытались и пытаются придать, поучительно во многих отношениях. Но прежде всего (это уже абсолютно бесспорно!) оно свидетельствует: из истории, как из песни, слова не выкинешь.

Мой собеседник на сталинскую тему в советское время был известен не только как видный ученый-обществовед, но и как блестящий журналист. Он работал первым заместителем главного редактора «Правды», возглавлял журнал «Коммунист». В последние годы, будучи профессором МГУ, Ричард Иванович Косолапов проделал большую работу по продолжению издания незаконченного собрания сочинений И. В. Сталина.

Виктор Кожемяко. Ричард Иванович, предлагаю вам поговорить о Сталине и об отношении к нему. Понимаю, тема необъятная, и, наверное, она никогда до конца исчерпана не будет.

Скажу откровенно, для меня стало неожиданностью, ко-

гда некоторое время назад начали появляться в печати ваши статьи, которые можно было бы назвать просталинскими. По возрасту мы с вами почти ровесники, детство и юность наши прошли в сталинские годы с определенным пиететом к вождю, хотя (про себя скажу) и с ощущением, что по части словословия его перебиралось чересчур. А потом – XX съезд, доклад Хрущева, и сразу – резкая переоценка буквально всего, что связано с этим именем. А как менялось отношение к Сталину у вас?

Ричард Косолапов. Не знаю, может быть, это связано с семейной традицией, но отношение к Сталину на всем протяжении сознательной жизни у меня было, в общем, ровное. Разумеется, в периоды либо неистового его захваливания, либо яростного развенчивания возникали вопросы: по каким причинам; не открылось ли то, о чем я не догадывался; к чему бы сейчас такое?... Но вопросы относились больше к психологическим нюансам, недоумениям, невыясненным обстоятельствам и т. п., чем к месту Сталина в истории советского общества, тому, что он совершил... Помню и взоры, обращенные с тоской и надеждой к Москве летом 1941 года; и подвиг Сталина, взошедшего 7 ноября, как обычно, на трибуну ленинского Мавзолея; и уважительное, по-особому теплое, неперебиваемое на другие языки слово, произнесенное бойцом зимой 1943 года – «батя»... Нам никуда не уйти от этого народного восприятия, а разрыв с ним губителен и для политического деятеля, и для любой партии.

Не в этом ли один из ключей к нашим бедам последних десятилетий, к краху КПСС и социалистических начинаний, к развалу державы?

Сброшюрованный доклад Хрущева под большим секретом дал мне прочесть тогдашний мой начальник. «Из здания не выноси. Соберешься уходить – запри в сейф».

Прямо скажу, впечатление от сего опуса было мутное. Я, естественно, тогда не знал, что Хрущев готовил текст с помощью Поспелова и Шепилова, в обход ЦК и его Президиума, и вынес свое соло, по сути, за рамки съезда. Произносилось оно, когда съезд уже избрал новые центральные руководящие органы и, стало быть, закончил работу; когда делегаты утратили свои уставные полномочия и в лучшем случае могли выступать в роли пассивно слушающего актива. Именно так родилась «линия XX съезда», немало способствовавшая подрыву коммунистического движения. Повторяю: всего этого я тогда не знал и не мог знать, но интуитивно ощутил фальшь, а потому не стал «в одночасье и навсегда» антисталинистом...

И еще одно. Никаких «просталинских» статей я не писал. Тема Сталина затрагивалась в моих публикациях лишь попутно и по касательной. Только в 1995 году я выпустил сборник сталинских текстов, в которых дальновидно предсказывалось поражение нашей революции при определенных, не стихийно складывающихся, а целенаправленно создаваемых условиях – вроде тех, что мы наблюдали в 1985–1993 годах.

Около трети книги, которая была названа «Слово товарищу Сталину», составили мои комментарии, надеюсь, достаточно объективно освещающие достоинства и недостатки включенных в нее работ...

В. К. Теперь, думается, уже мало осталось людей, которые считают Сталина ничтожеством, недоумком, параноиком и т. п. Даже Радзинский в своей книге и телевизионных «Загадках Сталина» поет иную песню. Великий злодей, гений зла – примерно так можно определить эту возобладавшую на сегодня версию. Как вы относитесь к ней? Ясно, что Сталин – фигура достаточно сложная и противоречивая. Но, подводя, так сказать, исторический баланс: чего, на ваш взгляд, больше было в деятельности Сталина – действительно зла или все-таки добра? Понимаю упрощенность, примитивность такой постановки вопроса, но все же...

Р. К. Версия «гения зла» абсолютно несостоятельна. Нелепо, имея дело с такой масштабной исторической личностью, как Сталин, стараться выглядеть выше и умнее ее. А Радзинский старается. Более того, он голосом, глазами, губами, ужимками играет сразу две роли – сперва однозначно «злодея», потом себя как жреца-судию. Многим это нравится, но, на мой взгляд, получается и то, и другое из рук вон плохо. Думаю, эта уже сыгранная пародия и самопародия Радзинского могла бы украсить хорошую сатирическую пьесу...

Чтобы понять реального, а не сфантазированного Стали-

на, следует заметить, что для него, имевшего духовное образование и прекрасно знакомого с церковной риторикой о добре и зле, не существовало отвлеченного зла вообще. Зло он понимал всегда конкретно, как воплощенное в людях и отношениях, а такими воплощениями были для него частная собственность, буржуазия, империализм, всякого рода оппортунистические, антипролетарские уклоны и т. д. Сталин не демон и не ангел. Он мог метить в противника и ударить по своим. Он мог ошибаться и в то же время уметь быть осмотрительным и мудрым, имея в виду главную цель – уничтожение всевластия капитала и империалистической угрозы; укрепление мощи и благосостояния Советского государства и трудового народа. Беда всех его врагов и критиков состояла в том, что они, как правило, мыслили частично. Они охватывали своим умом бытовую или локальную ситуацию, он – целое. Они думали лишь о регионе, он – о выигрыше в мировом масштабе.

Конечно, утверждение Хрущева о том, что Сталин по глобусу планировал операции на фронтах Отечественной войны, – давно опровергнутая чушь. Но в чем-то Хрущев, сболтнув лишнее, был прав, если иметь в виду масштабы сталинской мысли. Он, как никто, умел заставить ограниченное зло служить всеобщему благу, и в это стоит вдуматься.

Сам по себе Сталин, по-моему, не был злым человеком. Но невероятно тяжелая жизнь, которую он прожил, можно сказать, во всех измерениях, коварство и низость, цинизм

и жестокость многих, его интеллектуальное, нравственное и социальное одиночество сделали свое. Ради общего дела Сталин не жалел себя и позволял себе не жалеть других. Это далеко не все разделяли. Это не могли ему простить. Не собираюсь высказывать здесь некое окончательное мнение, а тем более кого-то оправдывать. Всегда помню (и советую помнить другим): **объяснение не есть оправдание**. И здесь как нельзя к месту наказ Спинозы: **«Не плакать, не смеяться, а понимать.»**

Чего больше было в деятельности Сталина – действительно зла или все-таки добра?

Не сердитесь, но данный вопрос напоминает мне пресловутый лозунг: «Больше демократии, больше социализма». Бывают в жизни случаи, когда личное благополучие приносится в жертву общественному. При этом один теряет все или почти все, но зато выигрывает община. С точки зрения конкретного индивида совершается зло, а с точки зрения общества – добро. Сталин мыслил и поступал именно так. «Краеугольный камень анархизма, – писал он в ранней работе „Анархизм или социализм?“, – **личность**», освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива... Краеугольным же камнем марксизма является **масса**, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности.

В свое время Сталин не видел способов гармонично сба-

лансировать оба начала и делал все во имя интересов большинства. В тогдашнем конкретно-историческом исполнении это и было добро. Выиграло ли нынешнее российское общество, отбросив прочь этот приоритет?

В. К. Совершил ли Сталин свой «термидор»? И самое главное – как вы трактуете 1937 год и вообще тему сталинских репрессий, ГУЛАГа и т. д., которая для многих стала определяющей, знаковой при оценке Сталина да и чуть ли не всего советского периода нашей истории?

Р. К. Совершил ли Сталин свой «термидор»?

Нет, не совершил.

«Термидором» (по названию одного из месяцев республиканского календаря: часть июля – часть августа) в истории Великой французской революции именуется правый, анти-якобинский переворот 1794 года, отстранивший трудящиеся массы от участия во власти и утвердивший неограниченную диктатуру буржуазии. С него начался беспредел частного обогащения и белый террор. «Огромное повышение цен на продовольственные товары, – констатировала 9 января 1795 года газета Бабефа „Трибун народа“. – Приостановка работ. Изгнание рабочих из Парижа... Прекращение производства оружия и одежды. Неизменное покровительство проституции... Возрождение суеверия. Вывоз звонкой монеты. Подрыв доверия к ассигнатам (бумажным деньгам. – Ред.). Отвратительная выгода, извлекаемая из отмены максимума (предельных цен на хлеб. – Ред.)... Воскрешение

слов „чернь“, „простонародье“ для обозначения народа... Пагубная свобода действий, предоставляемая ненасытной жадности торговцев... Подсчет в ливрах, су и денье (тогдашняя французская разменная монета. – Ред.), подтверждающий, что рабочий народ более не может существовать». Что тут общего со сталинской практикой?

Известно, что ярлык «термидор» по адресу большинства ЦК употреблял во внутрипартийной борьбе Троцкий. Он сигнализировал об опасности «бюрократического извращения» рабочей власти (то есть о том, о чем предупреждал еще Ленин), но терял чувство меры. Эгоцентрист по натуре, страстный оратор и способный литератор, Троцкий не проявил себя как трезвый аналитик и не имел выдержки, необходимой для длительной и упорной организаторской работы. Поэтому столь часты перехлесты в его суждениях. Много, что ощущалось всего лишь как негативная тенденция, он принимал уже за свершившийся факт. Доводил свои нападки на Сталина и его соратников до призывов к подрыву советского режима, в том числе через поражение СССР в будущей войне...

Читая сейчас книжку Троцкого «Преданная революция», угадываешь в ней что-то знакомое, но относящееся отнюдь не к сталинским временам. Прочность в тот период системы диктатуры рабочего класса теперь, в свете опыта стольких десятилетий, не вызывает сомнений. Ее серьезнейшим испытанием явились Великая Отечественная война и быстрое

восстановление разрушенного захватчиками народного хозяйства. Словом, в споре с Троцким оказался прав Сталин...

Теперь о 1937 году. Начну с того, что 1937 год – не только и не столько репрессии. Это год успешного завершения второй пятилетки; 100-летия памяти Пушкина, которое вылилось во всенародный фестиваль русского духа; 20-летия Октября; первых выборов, согласно новой Конституции СССР, в Верховный Совет.

Изменения в избирательном законодательстве и законодательной практике означали крупнейшую в послеоктябрьской истории демократическую реформу советской политической системы.

В стране царила обстановка политического подъема, трудового энтузиазма – я ее помню именно такой. Но не располагаю систематизированными статистическими данными о теневых сторонах тогдашней советской действительности, в частности о фактах вредительства и саботажа. А их было немало. Не думаю, что февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б), обсуждавший и этот вопрос, был искусственно инсценирован, воевал с ветряными мельницами...

«Коммунистические режимы уничтожили ПО миллионов человек», – писали в связи с 80-летием Октября «демократические» «Известия». Эта цифра то сокращается, то раздувается в зависимости от вкусов «критиков» социалистического строя. Никто не несет ответственности за прямые подтасовки и ложь. Их цинично оправдывают, ибо они выгод-

ны ныне правящему классу. Однако такое не может продолжаться до бесконечности.

В юбилейных тезисах РУСО, опубликованных в «Правде» 24–31 октября 1997 года, приводятся «давно установленные факты: число осужденных с 1921-го по 1954 год – около 3,8 миллиона, число приговоренных к смертной казни – около 643 тысяч. И это в стране, пережившей за полвека три революции, две мировые, одну гражданскую и несколько локальных войн. Вместо приобщения к правде, – отмечается в документе, – целых два поколения запугивали сагой о ГУЛАГе. Причем это нередко делали выходцы из среды тех, кто допускал массовые беззакония».

Хватались ли остатки свергнутых Октябрем эксплуататорских классов за «оружие обреченных»? Да.

Были ли нарушения революционной законности, страдали ли при этом невинные? Тоже да. И ответственность за это несет в числе других Сталин.

Почему наряду со справедливым возмездием за преступления перед народом «шились» дела против невинных людей?

Отчасти это объяснимо бюрократизмом и желанием выслужиться, отчасти низким уровнем профессиональной подготовки и культуры работников правоохранительных органов. Однако главная причина все же в другом. Мы теперь располагаем обширной фактической и документальной базой для вывода: многие невинные люди, особенно комму-

нисты, пострадали из-за **проникновения** в эти органы чужеродных (белогвардейских, уголовных и т. п.) элементов, из-за использования ими своего служебного положения как средства антисоветской классовой борьбы...

В. К. Сталин и Гитлер. Вы знаете, что на Западе да и определенные авторы у нас давно уже ставят между ними знак равенства. Даже считают, что Сталин хуже Гитлера, ибо тот уничтожал чужих, а он – свой народ. Каково ваше мнение?

Р. К. Считаю эту параллель кощунственной. Никто из государственных деятелей мира не сделал больше, чем Сталин, для всестороннего – политического и военного, экономического и организационного, идеологического и морального – разгрома фашизма, его искоренения. Наша пропаганда 30-х годов вся была пронизана антифашизмом. Вообще, по-моему, тут нечего доказывать. Так было и не могло быть иначе.

Сталин «уничтожал» свой народ? Это – бред, к которому умышленно приучают людей, как заставляют их привыкать к мракобесию и проституции, к нищим на улицах и богачам в казино, к отторжению трудящихся от собственности и власти, к безработице, к невыдаче заработной платы и повиновению диктату США.

«У нас теперь все говорят, что материальное положение значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее, – мотивировал Сталин на совещании комбайнеров 1 декабря 1935 года необходимость расширения зернового хозяйства. – Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что населе-

ние стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию. Ну а это ведет к тому, что приходится кормить все больше и больше людей».

Сравните с этими простыми фактами нынешнее положение России. Смертность с 1992 года прочно возобладала над рождаемостью. Ежегодная убыль населения доходит до миллиона человек. За 90-е годы страна в мирное время потеряла 7 миллионов! Спрашивается, кто и когда уничтожал свой народ? Кто поджигал и расстреливал свои парламенты, разгонял народные Советы?

В. К. Сталину ставят в вину антисемитизм. И это тоже знаковая оценка. Что вы думаете на сей счет?

Р. К. Сталин не был антисемитом. Он был русским патриотом-интернационалистом, антифашистом, то есть антирасистом и антинацистом, а значит, и противником сионизма как одной из разновидностей нацистской идеологии.

Антисемитизм и антисиионизм – совершенно разные вещи. Их умышленно и демагогически путают недруги России, обманщики трудового народа, в том числе еврейского. Антисемитизм, как и русофобия, – это внушение подсознательной, инстинктивной неприязни к лицам конкретной на-

циональности независимо от их взглядов, реального поведения, принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Это внушение ложного убеждения, что представитель данной национальности заведомо ущербен, что он не может быть полноценной личностью, надежным товарищем в жизни и борьбе. Иными словами, и антисемитизм, и русофобия направлены на формирование комплекса неполноценности у обоих народов, на их разъединение и обработку порознь буржуазией в своих интересах.

Как русский, советский коммунист, патриот-интернационалист Сталин не был и не мог быть антисемитом. В его окружении встречаются лица еврейской национальности, которых он критиковал и наказывал за ошибки, но ценил за убежденность, талант и организаторскую хватку. Еще не забыты имена таких крупных деятелей, как Каганович и Ярославский, Мехлис и Зальцман, Драгунский и Эренбург, Иоффе и Литвинов... Сталина обвиняют в антисемитизме не потому, что он якобы был гонителем евреев как таковых, а потому, что он решительно и беспощадно боролся против эсеровщины и меньшевизма, против троцкизма и других видов буржуазного и мелкобуржуазного влияния на пролетариат.

Нельзя отрицать, что в перечисленных течениях, в среде подобранных Троцким и Ягодой кадров евреи подчас составляли большинство. Но Сталин руководствовался не национально-этническими или же шовинистическими, а **клас-**

сово-политическими мотивами. И второе нечестно подменять первым.

Небезызвестный А. Яковлев, хитровато прикрывая сионизм, заявил как-то, что надо, дескать, различать сионизм как **религиозное** явление и как явление **политическое**. Фальшь тут состояла в том, что он в первом случае шовинизмом называл **иудаизм** и узаконивал употребление термина «сионизм», в этом смысле будто бы вполне приемлемого. Сколько, однако, было случаев, когда при нынешнем засилии продажных средств массовой информации безобидная, на первый взгляд, **подмена слов** вела не только к прорывам в мировоззрении, но и к **деформации** общественных отношений!..

Не вычеркнуть из истории выдающуюся роль Сталина в спасении еврейской национальности от гитлеровского геноцида, в основании государства Израиль. «Но, – скажут нам, – Сталин одновременно громил гнезда местечково-меньшевистской групповщины в различных ведомствах СССР, был нетерпим к концепции „богоизбранного“ народа, не уступил Крым для учреждения там Еврейской автономии и т. п.». На такой довод следует ответить вопросом: разве это было неверно с государственной точки зрения? Многие критики Сталина, в том числе те, кто выдумывает его «антисемитизм», обходят как раз эту позицию, а значит, и лишаются права на объективность.

В. К. Ричард Иванович, сейчас вы подготовили к печати и

выпускаете дополнительные тома собрания сочинений Сталина. Уже вышли, насколько я знаю, тома 14-й и 15-й. На очереди – 16-й. Что-нибудь новое они открыли вам в Сталине?

Р. К. Для меня Сталин не открытие. Моя цель состоит в том, чтобы его для себя открыли другие.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что Сталин – самая мистифицированная выдающаяся личность XX века. Сначала он был зашифрован и замурован от живых современников словоизвержениями культовой пропаганды, затем стал жертвой хрущевско-горбачевского охаивания и облыгания. Как правило, правда пугливо бежала от всех этих «вытребенек» далеко прочь. Образно говоря, узнать что-то о Сталине можно было, только перелагая хвалебные иероглифы на очернительскую клинопись, так и не переходя на естественный, понятный, добрый русский язык. Таков порочный круг обожествления-дьяволизации, который я считаю своим долгом прервать.

По натуре скептик, я принимаю девиз Маркса: «Подвергай все сомнению», но только с добавлением: «в том числе и собственное сомнение». Поэтому ни поклонником, ни апологетом кого бы то ни было, а значит, и Сталина, себя не считаю. Не могу знать, как сложилась бы моя личная судьба, сохранись у нас «крутые» порядки и нравы конца 40-х – начала 50-х годов. Но разве это или подобное соображение позволяет кому-либо преступать принцип исторической справед-

ливости? О ней следует судить не по себе только или же по участи своих родных и близких, а по положению, в которое поставлен в обществе человек производительного (физического и умственного) труда, созидатель всех материальных и духовных благ, человек-творец.

Мне кажется, издаваемый трехтомник, завершение собрания сочинений, прерванного на 13-м томе в 1951 году (вышедшие после смерти автора тома 14-й и 15-й были по указанию Хрущева срочно изъяты и уничтожены), выводит Сталина-человека из саркофага возвеличения-принижения как равного к другим людям (смерть – лучший уравниватель и «демократ»). В книгах незримо присутствует его личная трагедия, в которой он – да и то лишь частично – признается одной матери. «Я свою долю выдержу, – читаем в письме от 24 марта 1934 года.

– ... После кончины Нади (самоубийства жены Сталина Н. Аллилуевой 8 ноября 1932 года. – Ред.), конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

О шутках Сталина ходит немало полубылей-полуанекдотов. К ним присоединен теперь еще один документально сохранившийся, подлинный лучик юмора. «Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, – отвечает Сталин на корреспондентский запрос по поводу слухов о своей тяжелой болезни или даже кончине, – я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сооб-

щениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если вы не хотите быть вычеркнутыми из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира».

Согласитесь, изящный шлепок западному мещанину. Вряд ли что-либо подобное мог написать параноик, мизантроп-злыдень или же, как тщетно старались доказать «демократы», заведомый примитив.

Предвоенный да и прочие тома сочинений Сталина производят впечатление широтой и многосторонностью общения с людьми труда. Это металлурги и колхозники, выпускники военных академий и метростроевцы, свекловоды и стахановцы, комбайнеры и хлопкоробы, летчики и военачальники, угольщики и работники высшей школы... Для каждой из групп трудящихся Сталин находил нужные слова, проявлял знание специфики той или иной работы, ставил реальные, понятные всем задачи. Как далек нынешний стиль «руководства» государством и обществом от того, что до сих пор клеймят как «тоталитарные» приемы и методы!

Наконец, последнее. Разве это нормально, что почти полвека в истории страны зияет громадная черная дыра, а годный для ее заделывания документальный материал выносятся на публику случайными щепотками, в то время как население бессовестно обрабатывается в духе исторического мазохизма и комплекса неполноценности? Очевидно, кому сие выгодно. И столь же очевидно, что без серьезных усилий по

сбрасыванию с себя этого бесовского наваждения уникальной России не воспрянуть.

В. К. Какое еще современное значение имеет, на ваш взгляд, тема Сталина? Мне кажется, что, кроме чисто исторического интереса, есть здесь нечто большее. Вот, скажем, не покоряют ли людей своего рода аскетизм этого человека, определенное бескорыстие его, предпочтение государственных интересов личным и т. д., чего в нынешних руководителях нашей страны не наблюдается?...

Р. К. Несомненно, тема Сталина выходит за рамки чисто исторического интереса.

Немного о деталях. Впервые на дачу Сталина в Волынском я попал осенью 1966 года. С осени 1968-го по конец 1969 года (13 месяцев подряд) мне пришлось работать там почти безвыездно по заданию ЦК. Так что могу судить о бытовой обстановке, окружавшей этого человека, непосредственно и конкретно.

Собственности у Сталина, по существу, не было. Дом, в котором он жил, принадлежал государству (или партии), хотя и был отделан во вкусе постояльца. Все отмечали там две «роскоши»: стены, а кое-где и потолок были обшиты деревом; полы покрыты коврами. Мебель повсюду была очень простая, обитая рядовецкой тканью синеватого цвета. Обращали на себя внимание лишь диваны – широкие и мягкие, удобные для отдыха и сна. Говорят, в Волынском имелась обширная библиотека, личная или казенная – неизвестно. В

60-х годах мне рассказывали, что сперва ее вывезли и свалили во дворе управления делами ЦК, а когда пошли дожди, накрыли брезентом. Потом хозяйственникам надоела эта груда книг, и ее якобы сожгли. Если это даже и не так, версия не случайна.

В середине 50-х годов поступило распоряжение уничтожить все вещи, связанные с хозяином, и работники обслуживания были вынуждены их прятать. Я работал за спасенным таким образом столом Сталина, видел диван, на котором он умирал. В окружающем дом парке был пень, присаживаясь на который, Сталин выкуривал трубку во время прогулок, — его выкорчевали и сожгли. Сожгли также одну из лодок, бывших на пруду. Трудно сказать, кто таким способом вымещал свою низменную злобу, но факты вандализма налицо.

Быт Сталина выглядел более аскетичным даже по сравнению с обстановкой в Горках, где я в первый раз оказался 1 мая 1953 года.

Почему запомнилась мне та поездка?

Сразу после демонстрации мы, группка студентов МГУ, решили не расходиться и вместе куда-нибудь отправиться. Выбор пал на Горки.

В музее-усадьбе мы застали странную тишину и подавленное настроение. Водил экскурсию сам директор, который поведал, что его учреждение будто бы в связи с основанием музея Сталина в Волынском закрывается и тут намечено разместить детский дом.

Не хочу распространяться о нынешних руководителях. Их отличие от советских гигантов разительно. Но об этом моменте считаю нужным сказать особо. Сталин вслед за Лениным был широко эрудированным и творческим человеком. Он постоянно консультировался со специалистами, запрашивал фактические и статистические данные, однако всегда сам писал свои доклады и статьи. Он строго соблюдал этику интеллектуального труда, не допускал и тени его эксплуатации. Сталина невозможно представить в положении пленника всякого рода нашепывателей и «яйцеголовых», которые оплетали со всех сторон Хрущева и Брежнева, создавали у Горбачева иллюзию появления у него новых извилин.

Наблюдая в 60-90-х годах процессы того, что можно назвать лидерообразованием, я с горечью констатирую широкое распространение легковесного мнения, что вождя можно «сделать» из кого угодно, «поддуть», «раскрутить» и т. п. Были бы деньги и выход в СМИ. Но разве не очевидно, какие при таком подходе получаются «изделия»?

Может быть, в странах со старым, мощным монополистическим капиталом и его закулисным «предиктором», с давними парламентскими традициями «лидеры с приставкой» (финансовым вливанием, рекламой, обезличенными советниками, концептуалами-речеписцами, имиджмейкерами и пр.) и способны выполнять свою служебную роль, – России нужны неустанно работающие над собой самородки.

«А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога – жива бы только Россия». Эти слова, сказанные перед Полтавской битвой тем, кто «на троне вечный был работник», как нельзя лучше вписываются в народное представление о действительно российском вожде. Не «сделанный» прагматик-политикан, а естественно сложившийся реалист-романтик нужен нашему Отечеству.

Январь 1998 г.

**Мощь русского Духа
маршала Г. К. Жукова
ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ
ВОЕННЫХ НАУК, ГЕНЕРАЛ
АРМИИ МАХМУТ ГАРЕЕВ**

Имя Георгия Константиновича Жукова много значит для нашей страны и нашего народа! Да и не только для нас. Исключительный вклад великого советского полководца в победу над фашистской Германией и ее союзниками, которой завершилась Вторая мировая война, бесспорен. Почему же продолжают попытки принизить значение этой исторической фигуры? Чем вызваны яростные нападки на Жукова? Вопросы, волнующие многих, обозначили тему моей беседы с Президентом Академии военных наук РФ генералом армии Махмутом Гареевым.

Виктор Кожемяко. МахмутАхметович. обращаюсь к вам как к одному из самых видных, самых компетентных военных ученых. Скажите, как вы оцениваете Жукова?

Махмут Гареев. Георгий Константинович Жуков – выдающийся герой и наиболее талантливый полководец Великой Отечественной войны, внесший огромный вклад в достижение нашей победы, в развитие военной науки и военного искусства. У меня, как и у сотен тысяч других, воевавших на фронтах, которыми командовал Жуков, есть возможность судить о нем не только по имеющимся теперь документам и литературе, но и по тому, как ощущалась его полководческая деятельность в войсках. Безо всякого преувеличения можно сказать, что его появление на том или ином фронте вызывало большой подъем и воодушевление.

В. К. Насколько я понимаю, сомнений и колебаний при такой оценке роли Жукова у вас нет. Ну а как вы тогда от-

носитесь к иным мнениям на этот счет? Ведь в некоторых публикациях, особенно последних лет, роль его и значение оцениваются совсем по-другому.

М. Г. Прискорбно, что за последние годы, наряду с правдивыми, достоверными публикациями о Жукове, появляется много различного рода измышлений. О несостоятельности их уже не раз писали стоящие на объективных позициях историки, писатели, ветераны войны.

В. К. Но что, на ваш взгляд, порождает эти измышления?

М. Г. Клеветнические нападки на Жукова стали частью общей кампании по дискредитации нашей победы в Великой Отечественной войне. Глобальной, можно сказать, кампании. Что получается? По логике некоторых публикаций и телепередач, немецкие генералы Гудериан, Манштейн и другие, а заодно с ними Власов были... благородными борцами со сталинизмом. В романе Георгия Владимова «Генерал и его армия» Гудериан сочувствует «униженным и оскорбленным русским». Как справедливо отмечали читатели в своих письмах, книги такого типа и афиширующие их телепередачи воспринимаются как натуральная агитка в пользу третьего рейха и против Советского Союза, то есть против своего народа, который, оказывается, напрасно сражался с фашизмом.

Уже и прямо толкуют нам о том, что победа фашистской Германии была бы более предпочтительной: дескать, быстрее приобщились бы к западной цивилизации. Людей, стоя-

щих на такой позиции, конечно, не устраивают ни наша победа, ни Жуков.

Геббельс всех советских людей, воевавших против фашистской Германии, зачислял в «большевики»... Ради извлечения уроков нам надо, конечно, остро критически рассматривать наши поражения и неудачи в 1941–1942 годах. Но можно ли забывать при этом и об «ответственности» за вторую половину войны, завершившуюся нашей полной победой? Франция в 1940-м за короткий срок потерпела сокрушительное поражение, была разгромлена Германией, однако там не шельмуют своих полководцев и солдат... У нас же используют все методы, вплоть до самых грязных. Вы помните, наверное, появились сообщения о том, будто в 30-е годы Жуков написал донос на маршала А. И. Егорова. Как выяснилось, писал донос совсем другой Жуков! Георгия Константиновича даже не было на том фронте, где находился Егоров. Вообще, ничто не сходилось. Однако цель достигнута – тень была брошена. И ведь по-настоящему ее так и не сняли до сих пор. Фальшивка-то была растиражирована очень широко, а убедительные опровержения столь массовой трибуны не получили.

Меня поражает не только некомпетентность этих, с позволения сказать, историков и писателей, но и их нравственная нечистоплотность. Принято считать, что историческая работа, связанная с поиском истины, требует глубоких исследований, сопоставления и сверки огромного количества фак-

тов и документов. А тут? Даже не удосужились сличить подписи и почерк двух Жуковых! И не возникли хоть какие-то сомнения, угрызания совести перед именем и обликом человека, для которого подобный поступок был просто противоестественен. Стремление к ниспровержению нашей национальной гордости любой ценой все пересилило.

В. К. Я заметил: охотно используют при этом, что называется, копание в нижнем белье. Поиск, муссирование, раздувание, а то и выдумывание всяких «пикантных» подробностей из личной жизни героя. Пушкин когда-то метко написал о жадном пристрастии «толпы» искать низкое в великом, чтобы в восхищении кричать потом: он мал, как мы! Врете, подлецы, он и мал не так, как вы, – иначе! – резко парировал поэт.

М. Г. О подобных обывательских потугах мерить личности большого масштаба на свой аршин у Александра Сергеевича есть еще одно очень хорошее высказывание: для жены и слуги нет великих людей. Что ж, например, Михаил Ардов и Пушкина называл «кошунником, картежником, развратником, чревоугодником и дуэлянтом» – это я прочитал в «Независимой газете»... А если вернуться к Жукову, то в поисках «фундаментальной истины о войне» не находят ничего лучшего, как публиковать перечень одежды и другого имущества, найденного в шкафах на квартире маршала.

В. К. Мелко и гнусно, что говорить. Причем какие только из наших сильно «демократических» изданий не применяли

этот прием, чтобы, как нынче выражаются, размазать великого человека по стенке!

М. Г. Надо сказать, такое непочтение к своим национальным героям всегда рассматривалось как нравственное нездоровье общества. Но, кроме всей этой мерзопакостной мешанской пачкотни, появились у нас статьи и даже книги, порочащие Жукова не только как человека, но и как полководца. И здесь претензии на разоблачение уже как бы более основательные, более серьезные. Говорится о его полководческой несостоятельности, о жестокости, самоуправстве, многочисленных ошибках и промахах, допущенных во время войны – от Москвы до Берлина. К сожалению, приложил к этому руку в свое время и такой заслуженный военачальник, как И. С. Конев (не имеет значения, сам или не сам он писал подписанные им антижуковские статьи в определенных, политически конъюнктурных условиях).

В. К. Опровергать все это надо, наверное, конкретными фактами.

М. Г. Безусловно. О высоком полководческом искусстве Жукова наиболее убедительно и неопровержимо свидетельствуют многочисленные успешно проведенные под его командованием сражения и операции. Да, он сам признавал, что несет известную долю ответственности за поражения нашей армии в 1941 году. Но все же главным образом они явились следствием крупных просчетов политического руководства.

Хорошо известно, что нарком С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков не раз выходили с предложениями о наращивании боевой и мобилизационной готовности приграничных военных округов, но все они отвергались...

В. К. Перед началом войны Георгий Константинович был ведь начальником Генштаба?

М. Г. Всего пять с половиной месяцев. И прямо скажу: если бы не его принципиальная позиция, мужество и настойчивость, то, возможно, и такие решения высшего руководства, как частичное отмобилизование 800 тысяч человек для доукомплектования приграничных округов, выдвижение из глубины к рубежу реки Днепр четырех общевойсковых армий (28 дивизий), да и подписание поздно вечером 22 июня весьма запоздалой директивы о приведении войск в готовность к отражению агрессии могли не состояться.

Любого объективного исследователя до сих пор поражает, какой прозорливостью надо было обладать, чтобы в июле 1941 года заранее разгадать замысел германского командования о временной приостановке наступления на Москву и повороте 2-й полевой армии и 2-й танковой группы на юг для удара во фланг Юго-Западного фронта. Жуковым были предложены конкретные меры по предотвращению этой назревшей угрозы. Но Сталин не согласился с такой оценкой, за излишнюю резкость и настойчивость отстранил Георгия Константиновича от должности начальника Генштаба, что привело к тяжелейшей катастрофе на юго-западном на-

правлении.

В. К. А потом испытанием для Жукова, как известно, стал Ленинград...

М. Г. Умение предвидеть замыслы противника и принимать заблаговременные меры противодействия, огромная жуковская воля и редкостные организаторские способности сыграли важнейшую роль при обороне Ленинграда и Москвы. Вот пример: два полководца действовали в Ленинграде – Ворошилов и Жуков. Один начинает готовить корабли Балтийского флота к взрыву и потоплению, чтобы они не попали в руки противника. Другой тоже не хочет этого, но стремится, чтобы корабли, если и погибли на худой конец, то сражаясь, нанеся максимально возможный урон противнику. Жуковский подход обеспечил как сохранение флота, так и удержание Ленинграда. А ведь его до сих пор упрекают в том, что он «не по науке» использовал флот.

Именно Жуков вместе с Василевским выработали замысел Сталинградской операции, завершившейся окружением и уничтожением 300-тысячной группировки противника. В 1943-м Георгий Константинович предлагает вместо упреждающего наступления перейти к стратегической обороне под Курском. Это позволило навязать противнику выгодный для советских войск и невыгодный для немцев способ действий, что обеспечило достижение одной из величайших побед, привело к перелому в ходе войны. А в 1944–1945 годах Жуков в качестве заместителя Верховного Главнокоманду-

ющего и командующего войсками 1-го Белорусского фронта во взаимодействии с другими фронтами проводит блестящие по результативности завершающие наступательные операции, которые и привели нас к окончательной победе.

В. К. Мне довелось читать, какой разнос Жукову через 55 лет после проведения им Ельнинской операции учинил некий доктор филологических наук Борис Соколов.

М. Г. Это какое-то детское баловство на историческом поле! Трудно себе представить военачальника, военного ученого, который взялся бы разбирать специальный труд по филологии. А вот в области военной стратегии и тем более уж по такой модной теме, как «Военная реформа», каждый даже избежавший службы в армии человек считает себя знатоком.

Борис Соколов, постоянно подчеркивая, что Жуков во всем старался угодить Сталину, утверждает: «Командуя Резервным фронтом и еще с конца июля... предвидя, что главный удар немцы нанесут на юге, против Киева, тем не менее добился от Сталина согласия на проведение силами своего фронта наступления против Ельнинского плацдарма немцев, вместо того чтобы выделить несколько дивизий соседям с юга, попавшим под мощный немецкий удар. В создавшихся условиях германское командование за Ельню держаться не стало, предпочтя окружить советские армии в районе Киева. А две недели спустя и без Ельни немцы смогли разгромить наши армии на Западе. Жуков в это время благополучно отсиживался на второстепенном Ленинградском фронте и ви-

ны за поражение не понес».

Во-первых, о каком угождении Сталину идет речь? Жуков дважды обратился к Сталину с предложением отвести войска с Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра. И никак не поддакивал Верховному, а предельно резко разговаривал с ним – Жуков этого не боялся. Ведь он был отрешен от должности начальника Генштаба не за «угождение», а за то, что пошел наперекор Сталину и настаивал на отводе войск. Почему же проведение Ельнинской операции является угождением Сталину, если Верховный первоначально высказался против ее проведения и согласился впоследствии лишь по настоянию Жукова?

Во-вторых, Жуков нес конкретные предложения о перегруппировке на юго-западное направление не нескольких дивизий, а более крупных сил – не менее двух армий.

В-третьих, задача в июле – августе 1941-го состояла в том, чтобы не только перебросить на юг наши дополнительные силы, но и сковать силы противника на западном направлении и не дать ему возможности перебрасывать новые силы на юг. Проведенная Жуковым Ельнинская операция, как первая успешная наступательная операция, имела не только большое оперативно-стратегическое, но и морально-политическое значение. Родилась советская гвардия.

В. К. По-моему, особенно много грязи выливают на голову Жукова в связи с подготовкой и проведением заключительной, Берлинской операции.

М. Г. Пишут о том, что он остановился на реке Одер и не продолжил сразу наступление на Берлин. В самом деле, почему Жуков в одном случае, в ходе завершения Висло-Одерской операции, настойчиво добивается согласия Сталина на продолжение наступления к Одеру, а с выходом на этот рубеж вопреки требованию Верховного доказывает необходимость временной оперативной паузы с целью закрепления успеха, более надежного обеспечения своего правого фланга и подготовки Берлинской операции? В одном из интервью ему задавали даже наивный вопрос, какого он придерживается принципа – «затухающей» или «незатухающей» наступательной операции.

В том и другом случае он исходит не из отвлеченных теоретических положений, а из своеобразия конкретной обстановки и вытекающей из нее оперативно-стратегической целесообразности. При рассмотрении Берлинской операции Жукова обвиняли в неправильном использовании танковых армий, которые он ввел в сражение для допрорыва тактической обороны, а не для развития успеха в оперативной глубине, как это положено. Но под Берлином была сплошная оборона и никакого оперативного простора не предвиделось. Если бы командующий фронтом в данном случае подошел формально и ждал, когда общевойсковые армии самостоятельно прорвут оборону, пришлось бы потерять время, дать противнику возможность закрепиться, а танковые армии вводить с подходом к городу, что могло крайне услож-

нить развитие операции.

В. К. Наверное, ему ни в коей мере не свойственен был догматизм в военном мышлении.

М. Г. Жуков считал, что самый страшный враг рационального военного искусства – это шаблон и догматизм. Сила военного руководства – в творчестве, новаторстве, оригинальности, а следовательно – в неожиданности решений и действий для противника. Жуков, как никто другой, понимал эту суть военного искусства и умел претворять ее в жизнь в каждой операции, которую ему доводилось готовить и проводить. Разве, совершая сплошные ошибки и осуществляя «бездарное руководство», можно было достичь побед в таких операциях?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.